

Блаженные нищие и их Царство

Начало

Мне давно хотелось про это написать, но конкретный импульс, как это зачастую происходит, был случайным. Я пытался вспомнить автора романа, прочитанного мною, пожалуй, лет 20 назад. Назывался роман «Псих» - и я полагал, что Гугл меня мгновенно ошастливит. Гугл, действительно, немедленно выдал мне ссылку. Я посмотрел – но сразу понял, что речь идет о совершенно другой книге.

Я продолжил раскопки – и выкопал, довольно быстро, еще с десятков (!) произведений с тем же названием. Одно из них, ближе к концу, было искомым. Можно было бы и успокоиться – но я, заинтересовавшись обилием беллетристических тэзок, решил посмотреть дальше. А дальше были: «Идиот» (Ф. М. Достоевский), «Записки сумасшедшего» (Н. В. Гоголь), «Палата номер шесть» (А. П. Чехов). Все три произведения принадлежат к классике (я бы даже сказал, к общепризнанным краеугольным) РУССКОЙ литературы.

Выделив заглавно прилагательное, я обязан объяснить, почему.

Разумеется, русскую литературу я знаю лучше, чем какую-либо другую. Но всё-таки как-то и с литературой иноязычной знаком. Более того – если сложить всю мировую литературу, то среди прочитанных мною книг написанные не по-русски (и прочитанные, конечно, в переводе) составляют подавляющее большинство. При этом читал я в переводах в основном то, что претендовало на принадлежность к литературе высокой, краеугольной и пр. По-русски же случайное читалось явно чаще. Так вот решил я перебрать в памяти, а потом еще и пытался через интернет покопаться – какие аналоги есть в мировой литературе? Кто ещё за бугром, сегодня или сотни лет назад, описал героя (не случайное лицо, а именно главного героя, или хотя бы одного из главных), кто является не просто сумасшедшим, а медицински освидетельствованным как таковой, проходящим или проходившим психиатрическое лечение в клинических условиях?

Наши зарубежные партнёры

Скажу прямо – полноценных аналогов князя Мышкина мне вспомнить не удалось. То есть можно, конечно, вспомнить имитирующих сумасшествие (Гамлет) или тех, кто после переживаний сходит с ума (бывает: скажем, Фейгин, «Оливер Твист»), или что-то периферийное... Вот что все-таки можно как-то притянуть к теме:

Пародии: их не так уж много, но – конечно, «Дон Кихот». Его даже в конце пытаются лечить, но Сервантес пародирует и методы лечения. Еще одна известная пародия – это «Клиника Перро и Смолля» Э. А. По. Там вообще героев нет, а вот рассказчик – абсолютно нормален.

Вроде бы очень близко – «Полет над гнездом кукушки» Кена Кизи. Но... во-первых - совсем не классик: ИМХО, популярность этому произведению в значительной степени принесла экранизация Формана. Но главное: главный-то герой – совсем НЕ психически больной, он симулирует сумасшествие, а это совсем не то же самое.

Что еще? Душевнобольные в западной классике попадают, хотя и не в товарных количествах: скажем, «Аутодафе» Э. Канетти, «Песочный человек» Э. Т. А. Гоффмана... «Миссис Далловэй» В. Вульф, что-то у Ш. Бронте, опять же у Ч. Диккенса, еще дальше – «Волшебная гора» Т. Манна. Ну и может забрезжить господин Зоммер, умоляющий со страниц П. Зюскинда: «Ах, оставьте же меня наконец в покое!».

Оставили. Короче – не то, не о том, не оттуда и не туда.

Продолжаем традицию

Ранее я остановился на Чехове, но в следующем столетии та же тема всплывала неоднократно. И если «Мелкий Бес» Сологуба может быть отнесен к теме условно (главный герой в психбольницу не попал, что и приводит к трагедии), то затем...

Михаил Булгаков обращался к теме безумия несколько раз. Но главное обращение – это, конечно, самый знаменитый русский роман 20-го века «Мастер и Маргарита». Мастер (имя которого ни разу не названо) – названный герой романа, большую часть повествования проводит именно в больнице, причем считает это правильным «Я – душевнобольной». Его тень, Иванушка (имя более чем неслучайное, указывает на укорененность) Бездомный – попадает туда же, с приговоркой: «Шизофрения, как и было сказано». Нормальность Маргариты – явно под сомнением, но её хотя бы не госпитализируют.

Не вспоминая «Дьяволиады» и «Морфия» того же Булгакова, быстро (хотя и с сожалением) прошмыгнем мимо повестей Л. Андреева и искандеровского «Дяди», чтобы дойти почти до наших дней: под занавес столетия, в 1997 г. самый культовый писатель современной России Виктор Пелевин опубликовал свой, возможно, самый культовый роман «Чапаев и пустота». Я не собираюсь оценивать этот роман (лично я больше всего люблю у Пелевина «Затворник и Шестипалый») – отмечу лишь, что есть те, кто его очень не любят – но есть и те, кто считают его самым главным новаторством в русской литературе после «Евгения Онегина». Короче – произведение знаковое. Главный герой не просто проводит всё повествование в стенах «кажется, семнадцатой» психиатрической клиники, причем медицинские процедуры оговариваются на языке, звучащем как профессиональный. По большому счёту, весь мир находится в его мозгу, а следовательно – в той больнице, и в конце романа он возвращается во «Внутреннюю Монголию», прихватив, похоже, с собой всё мироздание.

Я мог бы привести еще некоторое количество примеров. Мог бы вспомнить и поэзию – от А. Апухтина («Садитесь, я вам рад») до М. Анчарова и В. Высоцкого, но предпочту сконцентрироваться именно на главных образах.

Итак – 2 наблюдения:

1. На вершинах русской литературы есть тема клинического (диагностированного) сумасшествия. Сумасшествие не есть проблема – проблема есть общество, а сумасшедший как раз эту проблему осознает. И русская литература возвращается к этой теме постоянно, независимо от того, какое, милые, у вас тысячелетие на дворе.
2. Этот паттерн принадлежит только русской литературе. Вовне оной такого ЯВЛЕНИЯ нет. Кстати, стоит задуматься о наблюдении Ю. Айхенвальда: САМЫМ цитируемым, популярным, родным героем западной литературы на русской почве стал не Гамлет, не Одиссей, а именно Дон Кихот.

Около темы

Не самая популярная, но все-таки распространенная фигура в литературе: шут. Персонаж, чья функция – появиться вовремя и сказать нечто остроумное, так что по меткости и глубине высказываний можно смело нанимать его сценаристом диалогов в Голливуд.

Шут может появиться и в комедии, и в трагедии («Король Лир»). Статус всегда – в лучшем случае второстепенный. Бывает, что он теряет второстепенность, как в рассказе Э. А. По «Восемь орангутангов», а еще чаще – в опере (Леонкавалло, Верди), но тогда это уже совсем другой архетип.

Есть ли в русской литературе шуты? Практически нет. Мне вспоминается разве что Ян Лакоста из романа Д. Маркиша с характерным названием «Шуты». Что интересно – он чужак (еврей, как и прочие герои вокруг Петра I). Больше – кажется, никого.

Но – есть юродивые. Это – русская параллель шутов. Тут, в первую очередь, вспоминается юродивый из пушкинского «Бориса Годунова». Причем вспоминается так, что забыть невозможно. Вся пьеса, по определению и подзаголовку, – «комедия», и все герои так или иначе декламируют чушь. Единственный, кто «истину царю в глаза говорит», – это юродивый, что позволяет... отождествлять его с автором, главным русским национальным поэтом. Ибо, в отличие от Лакосты, он – отнюдь не чужак, а совсем свой!

Итак, диполь: шуты – юродивые. Шуты никогда не пролетают над гнездом и не бросаются на ветряные мельницы. А вот юродивых с князем Мышкиным и согосподами нечто объединяет: есть такое русское слово – «блаженные». Хотя и не пациенты Кащенко.

Попытка объясниться

Пришло время для спекуляций: почему?

Почему именно эта тема столь распространена именно в русской литературе?

И еще: что за тема? В чем разница между нашими и не-нашими психами? Я имею разницу качественную (по количественной мы, конечно, побеждаем Запад нокаутом в этом спорте). Вероника Долина пела «Нет, советские сумасшедшие / Не похожи на остальных...», и она это, кажется, подметила первой – но не только о советских гражданах мы толкуем, а о стойком архетипе вообще русской литературы.

Можно, конечно, спекулировать на том, что профессия врача была популярна среди русских писателей – Булгаков, Чехов. Но это – явная натяжка: из все-таки мало, да и психиатров среди них вроде не наблюдается.

Можно еще обратиться к церковной традиции (переиначенная цитата из которой обозначена как заголовок этого эссе), но тут есть опасность запутаться в теологических спорах между христианами – а им только моего мнения по этому поводу не хватало! Так что путь из схизмы в психиатрическую палату проследить не собираюсь.

А хотел бы я, наконец, постараться сформулировать: в чем разница? Ну, скажем, так:

1. В мировой литературе интерес к помешательству невысок. Сумасшествие - это проблема ЧЕЛОВЕКА, которую надо решать. Врач, как правило, старается что-то сделать (сам диагноз, как правило, не оспаривается, если только речь идет не о надувательстве, как у Гамлета или над гнездом кукушки). Но когда (то есть практически всегда) решить проблему невозможно – трагедия.
2. В русской литературе сумасшедший страдает от общества. Он страдает потому, что ему, в его сумасшествии, открывается нечто, чего общество (погрязшее в материализме или в нежелании говорить об общих проблемах или просто в жестокости или еще в чем-то таком нехорошем) не в состоянии оценить. И общество его третировает (например, в больницу запирает), вместо того чтобы решать истинные проблемы – а именно, проблемы самого ОБЩЕСТВА, на которые сумасшедший герой ему, обществу, тонко указывает.

Я не говорю, кто прав и кто лучше. Я вообще не уверен в своем анализе. Но, мне кажется, что-то в этом есть.

Эпилог:

Один из читателей, прочитав эссе, спросил: «В заголовке – блаженные и царство». Блаженные налицо, а где заявленное Царство?

Вместо ответа – пара цитат:

«Все мы здесь – люди ненадежные» (М. А. Булгаков)

«Вся Россия – палата номер шесть» (высказывание, незаслуженно приписываемое столь многим, что заслужило право считаться народной мудростью).